

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-25-40>

УДК 821.161.1-32(091)"18":32.001

ББК 83.3(2=411.2)52-8Салтыков-Щедрин М.Е.,43 + 66.1(2)522-8

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. И.Ю. Роготнев
г. Пермь, Россия

К ИСТОЛКОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Аннотация: Цель предпринятого исследования — выяснить базовые особенности политического мышления М.Е. Салтыкова и описать их в категориях политической критики культуры. Обзор специальной литературы показывает, что однозначное отнесение писателя к одной из общественно-политических партий его эпохи не представляется возможным: Салтыков не столько проводит ту или иную программу общественных преобразований, сколько исследует мыслящего субъекта в политической действительности. Можно считать установленным, что в творчестве Салтыкова осуществляется не трансмиссия идеологических смыслов, но скорее критика общественной идеологии. Представляется важным, однако, учитывать партийную ориентированность салтыковской публики: сатирик обращается к читательскому сообществу, с сочувствием воспринимающему демократические и эгалитарные идеи. Для анализа салтыковских текстов предлагается использовать ряд категорий политической герменевтики — дихотомии: идеология / философия, мысль классическая / мысль неклассическая, экзотерическое / эзотерическое. Материалом для анализа выступили две сатирические сказки: «Карась-идеалист» и «Здравомысленный заяц», — которые рассматриваются как тексты, близкие в жанровом отношении «мениппеям» Ф.М. Достоевского. В «Карасе-идеалисте» обнаруживается идейный конфликт между классическим и неклассическим философскими подходами, в эзотерическом плане текста утверждается торжество «макиавеллистской» позиции. В сказке «Здравомысленный заяц» можно выявить диспут идеолога и политического философа; парадоксальным, в контексте салтыковских демократических деклараций, является то, что место идеолога занимает угнетенный (раб), а место политического философа, то есть взыскающего истины субъекта, — господин. В заключении предлагается размышление о метафизическом контуре салтыковский политической мысли: политическая теология русского сатирика сосредоточена на эсхатологическом моменте как разрешении политических коллизий.

Ключевые слова: Салтыков-Щедрин, политическая философия, герменевтика, мениппея, идеология.

Информация об авторе: Илья Юрьевич Роготнев — кандидат филологических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет, ул. Букирева, д. 15, 614068 г. Пермь, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7053-6180>

E-mail: rogotnev05@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.12.2023

Дата одобрения рецензентами: 01.06.2024

Дата публикации: 25.06.2024

Для цитирования: Роготнев И.Ю. К истолкованию политической философии М.Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник славянских культур. 2024. Т. 72. С. 25–40.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-25-40>

Не вызывает сомнений, что проблематика сатиры М.Е. Салтыкова носит по преимуществу политический характер. Традиционные этические темы: верность принципам, сохранение личного достоинства, стыд — нередко освещаются писателем в связи с политическими конъюнктурами (структурами политического момента), например в «Современной идиллии» и «Письмах к тетеньке». Представление о том, что практически во всех салтыковских текстах 1880-х гг. доминирует морально-этическая проблематика [4, с. 12; 15, с. 96], требует уточнения: этическое в произведениях этого периода разворачивается как измерение политического. Между тем, нам неизвестны опыты последовательной интерпретации салтыковской прозы в категориях критики и герменевтики политической культуры, таких как *идеология, политическая философия, политическая теология*.

В настоящей работе предпринят анализ текстов Салтыкова в терминах политической философии; в частности, мы опираемся на герменевтические идеи Лео Штрауса. Политическое, вслед за Карлом Шмиттом и рядом других теоретиков, мы склонны понимать как антагонистический аспект общественной жизни — как социальные ситуации, в которых обнаруживается *несогласие* (Ж. Рансьер) [21], имеет место позиционирование людей в качестве *нас* и *их* (Ш. Муфф) [17], *друзей* и *врагов* (К. Шмитт) [31]. Во всяком случае, этот момент тематизирован самим Салтыковым в целом ряде политико-философских сказок, в которых дискутируется фундаментальный характер социального антагонизма (базовый конфликт салтыковских текстов может быть описан, например, в категориях *элиты* и *массы* [24]). Эти сказки-дискуссии, сказки-диалоги выступают основным материалом нашего анализа.

1. Политическая позиция Салтыкова

Известно, что в литературоведении советского периода Салтыков был представлен как последовательный материалист, демократ и социалист. Подчас философские взгляды Салтыкова комментировались в терминах исторического материализма [13], иногда этот подход воспроизводится в новейшей академической периодике [11]. Между тем, общим местом современного салтыковедения стала заявка на ревизию устоявшихся определений политических и философских позиций писателя. Салтыкова рассматривают, например, как «оригинального религиозного мыслителя» [16, с. 140], чьи взгляды на историю во многом близки к идеям Н.Я. Данилевского. Среди главных ориентиров писателя называют «установление в стране правового порядка» [10, с. 287], представляя писателя скорее умеренным реформистом, чем социал-демократом. Сходная точка зрения прослеживается и в новейшей биографии Салтыкова [9].

Мы разделяем точку зрения, согласно которой «партийная» принадлежность Салтыкова остается вопросом дискуссионным. Исследователями, в частности, отмечено «внешнее несоответствие между профессиональным и бытовым окружением писателя» [28, с. 83]: если журнальная деятельность Салтыкова проходила в среде более или менее радикально настроенных литераторов, то «частное окружение писателя составляли люди либеральных взглядов» [28, с. 84]. Представляются справедливыми суждения о принципиальной идеологической независимости сатирика:

Его личное мнение всегда оставалось свободно и независимо: своего творчества он не подчинял ни внешнему требованию, ни соображениям какой-либо данной тенденции (А.Н. Пыпин) [20, с. 10].

Пытаясь определить политическую платформу и идеал Салтыкова, следует указать не на результаты (конституционализм, социализм, коммунизм, буржуазная демократия), а на процесс — на самодеятельность сознательно относящегося к общественной жизни человека... (М.В. Строганов) [26, с. 49].

В приведенных суждениях, как нам кажется, отчетливо обозначен предмет зрелой салтыковской мысли — политическое поведение субъекта как носителя сознания и самосознания.

В то же время нельзя не учитывать того факта, что Салтыков связал свою литературную деятельность с определенной публикой — читателем демократических, прогрессистских изданий. Это обстоятельство представляется не менее значимым, нежели партийная (или, скорее всего, беспартийная) идентичность автора: именно публика является держателем культурного кода и моделей интерпретации, на которые ориентируется писатель. Отметим здесь, что публика — исключительно важный предмет политической теории; эта категория выступает одной из краеугольных, например, в политической философии И. Канта [35]. Мы не уверены, что знаем, какое политическое учение излагает (или, напротив, скрывает) Салтыков, но мы имеем представление о том, какой публике (или ее части) это учение адресовано, — читателям, интересующимся остро критическими, эгалитарными, в известной мере радикальными идеями.

Учитывая центральное место сознания и самосознания в политической мысли Салтыкова, естественно, что она развивается прежде всего как критика идеологии. Этот, критико-идеологический, аспект салтыковской сатиры отмечен литературоведами: предмет ее — ведущая тема, проблема, объект обличения — определен как *призрак* и *миф* [18, с. 25–82; 14; 6].

Таким образом, салтыковский текст имплицитно содержит ряд дистинкций: между публичным и несовпадающим с ним собственно авторским, между идеологией и мышлением, противонаправленным идеологии (ложным сознанием и критическим сознанием). Внимание к этим категориям позволяет вписать салтыковскую сатиру в историю политической мысли.

2. Базовые категории политического чтения

Понятие об идеологии как «ложном сознании» восходит к текстам К. Маркса и развивается в работах Д. Лукача, теоретиков франкфуртской школы (М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Г. Маркузе), французских мыслителей второй половины XX века (Р. Барт, Л. Альтюссер), Ф. Джеймисона, С. Жижека и др. В качестве примера, раскрывающего критический взгляд на идеологию, рассмотрим концепцию левого теоретика Луи Альтюссера, который обращается к вопросу о механизме воспроизводства отношений классового господства. Согласно Альтюссеру, государство располагает аппаратом, который направлен на принуждение граждан к социальному порядку (полиция, армия, спецслужбы), этот аппарат принято называть силовым. Для воспроизводства иерархических отношений не менее важны, однако, аппараты идеологические: школа, печать, церковь, семья, парламентские партии, профсоюзы и др. Специфика идеологических аппаратов заключается в том, что они всегда множественны и слабо поддаются унификации, а также относятся преимущественно к частной сфере, однако в свете альтюс-

серовского анализа институты частной сферы, в совокупности своей обычно называемые гражданским обществом, функционально оказываются частью государственной системы [34, с. 171–207]. Таким образом, идеология рассматривается в рамках критической теории как дискурс, который сопровождает социальных индивидов во всех сферах общественной жизни и навязывает им такие нарративы и представления, которые воспроизводят отношения власти, господства, доминирования. С. Зенкин предлагает рассматривать идеологию в одном ряду с понятиями: *миф*, *предрассудок*, *симулякр* [12]. На наш взгляд, идеология в традиции критической теории скорее включает в себя названные феномены в качестве своих симптомов. Именно эту симптоматику, по-видимому, и исследовал Салтыков, называя симптомы идеологического сознания «призраками».

Философия нередко заявляла себя как проект очищения ума, критической проверки мысли. Возможен взгляд на философию как на контр-идеологический анализ, как на критику идеологического сознания [25]. Несколько упрощая положение дел, можно сказать, что философ руководствуется идеалом свободного поиска истины, в то время как идеолог — задачей захвата, порабощения ума (в том числе и не в последнюю очередь собственного ума).

Выступая с контр-идеологическими высказываниями, Салтыков сближается с дискурсом политической философии. При этом было бы затруднительно судить о близости этого писателя к конкретному философскому учению, однако, возможно, мы могли бы определить парадигмальный принцип салтыковского мышления о политическом.

Для Л. Штрауса ключевым в интеллектуальной истории является различие между философией классической (Платон, Аристотель и идущая от них линия политико-философских размышлений) и современной, неклассической, которая открывается трудами Никколо Макиавелли. Для Платона и Аристотеля базовым политическим вопросом всегда оставался вопрос о добродетели, о том, как должен выглядеть социальный мир, опирающийся на принцип общего блага. Макиавелли переворачивает политическую философию и говорит не о должном, но скорее об эффективном, о целесообразном политическом действии в рамках наличной политической реальности («реалистический подход к политическим вещам», — Л. Штраус [32, с. 70]). Классики мыслили о политике в свете универсальных категорий, в свете вечности. Неклассическая мысль «предает» высшую добродетель, во всяком случае предает ее забвению: «... нужно понизить стандарты или для того, чтобы сделать вероятным, если не несомненным, воплощение в жизнь правильного или желательного политического порядка, или для того, чтобы приобрести шанс; нужно сместить ударение с нравственного характера на общественные институты» [32, с. 43].

Вклад Макиавелли в политическую мысль был глубоко проанализирован Луи Альтюссером, для которого итальянский мыслитель — первооткрыватель нового способа видеть политическое [33]. «Так или иначе, согласно Альтюссеру, макиавеллистская революция в истории политической философии заключалась отнюдь не в основании политологической дисциплины, претендующей на наиболее объективное описание политической реальности, но в описании общих принципов конъюнктурного мышления, способствующего достижению поставленных задач при помощи наиболее эффективных средств внутри каждой конкретной политической конъюнктуры. По этой причине сам итальянский мыслитель и отказывался от поиска наилучшей формы государственного устройства, который непосредственно за пределами конкретной конъюнктуры просто лишался всякого смысла» [22, с. 78].

Если дихотомия *классическое / современное* группирует, классифицирует философские тексты, то другая штраусианская дихотомия работает внутри текста, рассекая его, раздваивая его смысл. В своей превосходной книге «Преследование и искусство письма» (“Persecution and the Art of Writing”) Штраус вводит различие *экзотерическое / эзотерическое* в политической философии. Причина этого рассечения мысли связана с тем, что «между философией и обществом никогда не наблюдалось гармонии» [36, р. 17] (перевод наш. — И.Ю.). «Философы были весьма далеки от того, чтобы быть выразителями общества или политических партий. Они отстаивали интересы философии и ничего более. Осуществляя это, они в действительности полагали, что отстаивают высшие интересы человечества. Экзотерическое [открытое, доступное всем] учение было необходимо философии для защиты» [36, р. 18] (перевод наш. — И.Ю.). Таким образом, в различных обществах разлад между миссией философии и общественными идеологиями порождает феномен «политической эзотерики».

Политический эзотеризм может быть связан не только с работой репрессивного аппарата государства, но и со своеобразной тиранией публики, со скрытым конфликтом между автором и сообществом, которое интерпретирует и оценивает его тексты. Весьма вероятно, такого рода конфликт имел место в творческой биографии Салтыкова. Политическая эзотерика этого автора дает о себе знать в феномене эзопова языка — системы иносказаний, которыми пользуется сатирик при обсуждении острых политических вопросов. Эзотеризм мы видим, разумеется, не во всяком замещении понятия/реалии более или менее прозрачной аллегорией, но скорее в многослойности эзопова языка. Относительно простую структуру иносказания мы наблюдаем в случаях типа:

Беневоленский, Феофилакт Иринархович, статский советник, товарищ Сперанского по семинарии. Был мудр и оказывал склонность к законодательству [39, т. 8, с. 279].

Этот персонаж, прославившийся сочинением бесполезных законотворческих текстов (вроде «Устава о добропорядочном пирогах печении»), самым прозрачным образом соотнесен с фигурой Сперанского, в нем типизирован определенный класс государственных деятелей Российской империи. Модель интерпретации здесь, в сущности, носит линейный характер: персонаж — исторический прототип — социальный тип; такое использование эзопова языка мы считаем экзотерическим. Совершенно иной тип эзоповского слова представлен в образе Угрюм-Бурчеева, которого традиционно соотносят с графом Аракчеевым, а построенный им новый город Непреклонск — с аракчеевскими военными поселениями. Между тем, более существенным планом образа является его соотнесенность с Петром Великим, в пользу чего свидетельствуют аллюзии к пушкинскому «Медному всаднику», демонические черты персонажа и, например, его увлеченность проектом создания военного и торгового флота [7, с. 38; 1; 30 и др.]. Непреклонск в этой перспективе прочитывается как сатирический двойник Петербурга. Таким образом, в структуре эзоповского образа обнаруживается «ложный след», механизм защиты. Антипетровские смыслы финальной главы «Истории одного города» уведены в слой политической эзотерики, что, как нам кажется, можно связать не только с цензурными соображениями, но и с автоцензурной стратегией писателя, имеющего дело с прогресситской публикой. Примечательно, что образ Угрюм-Бурчеева однажды был истолкован в духе оппонирования революционно-демократической общественности — как «дорвавшийся до власти и пытающийся на практике осуществить свой “целый систематический бред” С.Г. Нечаев» [23, с. 50–51].

Таким образом, мы предлагаем использовать в качестве герменевтического инструментария при прочтении салтыковских текстов три пары категорий: идеология / философия, классическая / неклассическая мысль, экзотерическое / эзотерическое.

3. Анализ текстов

С.Ф. Дмитренко предложил пересмотреть отношение к циклу «Сказок» как философскому итогу салтыковского творчества: они «стали для Салтыкова мобильной формой для удовлетворения своих публицистических инстинктов. Но вскоре он потерял к ним интерес и занимался только почти механической работой подготовки уже написанного для сборника 1886 года и для собрания сочинений» [8, с. 62]. Как нам кажется, предпринятый в настоящей работе анализ все же позволяет говорить о существенном философском значении цикла в контексте литературного наследия Салтыкова.

В цикл «Сказки» (основной корпус текстов создан в 1883–1886 гг.) Салтыков включает два произведения, сюжеты которых разворачиваются вокруг политико-философской дискуссии: «Карась-идеалист» (1884) и «Здравомысленный заяц» (1885). В них можно увидеть пародию на жанр сократического диалога; в то же время обе сказки могут быть описаны как «менипповы сатиры» в бахтинской теоретической конструкции: фантастические, экстраординарные обстоятельства здесь служат средой для испытания идеи и выявления философской истины. Такое жанровое определение может вызвать возражения ввиду дискуссионного характера концепции М.М. Бахтина (см.: [5; 19]), однако наш интерес может быть сосредоточен не на мениппее в «большом времени», но на частных историко-литературных наблюдениях исследователя. М.М. Бахтин излагает концепцию мениппеи в исследовании поэтики Достоевского, в частности поэтики «Великого инквизитора» и связанных с ним глав «Братьев Карамазовых» («Братья знакомятся», «Бунт») [2, с. 175]. Достоевский — этот давний оппонент Салтыкова в своем последнем романе затевает новый раунд их литературной войны [3, с. 306–316; 27, с. 93–97] — учреждает особое «жанровое» пространство философского высказывания, и Салтыков отвечает на этот вызов.

3.1. «Карась-идеалист» (1884)

«Карась-идеалист» травестирует коренную проблему европейской политической философии:

Карась с ершом спорил. Карась говорил, что можно на свете одною правдою прожить, а ерш утверждал, что нельзя без того обойтись, чтоб не слукавить [39, т. 16, кн. 1, с. 79].

По сути, это тяжба классической и неклассической мысли — спор Платона с Макиавелли. Карась разворачивает систему классических аргументов в пользу гармоничного, справедливого, нравственно безупречного общественного строя. Основным контраргументом Ерша является эмпирическая данность (фактичность) несправедливости: «Дождись!», «Держи карман!» [39, т. 16, кн. 1, с. 81]. В частности, Ерш напоминает о существовании щуки (эзоповская аллегория социальных элит, угнетателей, власти) — факте, который развернет философскую дискуссию в новом ключе.

Щука, заявившись в заводь Карася и Ерша, вступает в диалог в качестве нового оппонента местного «идеалиста». Отметим здесь, что термин *идеалист* выступает как эзоповский эвфемизм для понятия *социалист*, однако, как многие эзоповские слова-заместители, обладает дополнительным концептуальным потенциалом — здесь слово эхообразно отсылает к обобщенным представлениям о платонизме и политической философии Платона; в эзоповской системе устанавливается связь между социализмом

и исконным (платоновским) политическим идеализмом. Возражение Щуки, на первый взгляд, сводится к известному софизму «аргумент к силе»: Щука довольно грубо обходится с оппонентом, которого берут под стражу, а перед последним раундом диспута «окунь, допрашивая, покусал ему спину и часть хвоста» [39, т. 16, кн. 1, с. 88]. Думается, однако, что салтыковскую сказку-дискуссию следует оценивать не с позиций классического риторического канона, но в духе «мениппей» Достоевского, где поступок и волевое решение персонажа входят, наряду с концептуальными аргументами, в историю поиска истины. Прикосновение Реального — телесный, тактильный контакт с социальной властью — вторгается в порядок мышления. Дискурсивное возражение Щуки заключается в том, что она не согласна с доводами оппонента — это несогласие воли, а не рассудка: «Так ты полагаешь, что я работать стану, и ты от моих трудов лакомиться будешь?» [39, т. 16, кн. 1, с. 88]. Как и в мире Достоевского (например, в «Записках из подполья»), рационально сконструированная гармония в салтыковской сказке сталкивается с волей к дисгармонии. Разница заключается в том, что Салтыков, кажется, не взыскует сверхрациональной благодати для разрешения противоречий социальной жизни.

Последний и одновременно центральный аргумент Карася, лежащий в сердцевине его утопического мышления, носит характер сугубо этический: «Знаешь ли ты, что такое добродетель?» [39, т. 16, кн. 1, с. 88] (ср. с размышлениями Л. Штрауса о статусе категории *добродетель* в классической политической мысли). В момент предъявления этого аргумента дискурс диспута коллапсирует; заявленная категория, подрывающая мышление и речь господствующего субъекта, вызывает катастрофический эффект: «Щука разинула рот от удивления. Машинально потянула она воду и, вовсе не желая проглотить карася, проглотила его» [39, т. 16, кн. 1, с. 88].

Таким образом, классическая политическая философия не находит себе места в Реальном; она не оспаривается и даже не отвергается, но попросту ничтожится, обращается в ничто. Тайнопись Салтыкова, то есть его политический эзотеризм, сказывается в ловком смещении фокуса с диспута Карась — Ерш на диспут Карась — Щука. Читатель взывается к сочувствию в отношении Карася и к возмущению в отношении Щуки. Прогрессистская публика в противостоянии интеллигенции с социальной элитой всегда выбирает сторону интеллигенции. Моральные оценки, однако, затмевают исходный философский вопрос: жить «одною правдою» или же «слукавить»? В сократическом диалоге смена оппонентов часто происходила после того, как Сократ опровергал оппонента предыдущего. (Впрочем, и у Платона мнимые или неполные опровержения оппонентов Сократа могли быть компонентом эзотерической техники; см., например, анализ Л. Штраусом фигуры Фрасимаха в «Государстве» [37, pp. 73–88]). Салтыков строит повествование таким образом, чтобы предоставить нам возможность проигнорировать исходную, рамочную мизансцену: *Карась с ершом спорил*. В зрелой салтыковской философии неклассическая мысль — макиавеллизм, «понижение стандарта», мышление «конъюнктурами» — одерживает верх над классической, то есть добродетельной, философией. Такая позиция провозглашалась Салтыковым преимущественно эзотерически — хотя бы потому, что его собственная проза приучила публику к чувству негодования, к бескомпромиссному моральному осуждению зла. В прямых публицистических высказываниях Салтыков, наоборот, подвергает компромиссы, сделки с конъюнктурными силами суровому моральному разбирательству. Думается, подлинную остроту этим рефлексиям придает то обстоятельство, что сама салтыковская мысль приходит к необходимости «слукавить».

В «Карасе-идеалисте» есть мотив, остающийся, на наш взгляд, не вполне ясным — склонность Щуки к диспутам, ее желание беседовать с Карасем. Сходный мотив запускает сюжет второй сказки-«мениппеи»: здесь Лиса, прежде чем съесть Зайца, желает его выслушать. В обеих сказках господствующий субъект по каким-то причинам испытывает интерес к философствованию своего «раба».

3.2. «Здравомысленный заяц» (1885)

Взгляды, развиваемые «здравомысленным» Зайцем, прямо противоположны «социализму» Карася. Заяц оправдывает социальное неравенство, находя существующий общественный порядок разумным и справедливым. Его «оригинальная» позиция заключается в том, что можно, не меняя сущности социальных отношений, гуманизировать и рационализировать их:

Господа волки! вместо того, чтоб зайца сразу резать, вы бы только шкурку с него содрали — он бы, спустя время, другую вам предоставил! Заяц, хошь он и плодущ, однако, ежели сегодня целый косяк вырезать, да завтра другой косяк — глядь, ан на базаре-то, вместо двугривенного, заяц уж в полтину вскочил! А кабы вы чередом пришли: «Господа, мол, зайцы! не угодно ли на сегодняшнюю волчью трапезу столько-то десятков штук предоставить?» — «С удовольствием, господа волки! Эй, староста! гони очередных!» И шло бы у нас все по закону, как следует. И волки, и зайцы — все бы в надежде были. И мы бы, и вы бы, и с одной стороны, и с другой стороны... ах, господа, господа! [39, т. 16, кн. 1, с. 156].

Очевидно, что «зайцы» — аллегория крестьянства, подлежащего эксплуатации (пожиранию) привилегированными «хищниками»: волками и лисицами. Салтыков сатирически интонирует философствование Зайца, доводя до абсурда логику социального договора между элитами и угнетенными: «закон» должен регулировать пожирание одних другими.

Функция Зайцевых речей (что важно, речей публичных), думается, не в призывах к законности, но в легитимации существующего строя. Заяц — вольный функционер идеологических аппаратов, он работает на воспроизводство социальных отношений. Тем удивительнее, что Лиса берется оспорить его взгляды.

Образ Лисы снабжен, на наш взгляд, эзотерической маркировкой: первый раз она упоминается в тексте как «лиса-кляузница» [39, т. 16, кн. 1, с. 156], что является ложной эзоповской кодировкой. Возникает перспектива прочтения сказки в духе конфликта публичного мыслителя и доносчика («кляузницы»). В поведении и высказываниях Лисы, однако, ничто не поддерживает такое прочтение. Лиса пожирает всех зайцев — не только «философствующих», и, напротив, героя сказки Лиса желает перед пожиранием испытать. Судя по всему, Салтыков укрупняет конфликт до масштабов дискуссии раба и господина (в значении обобщенных категорий). Если Щука в сказке о Карасе недвусмысленно представляла политическую власть (к ней обращаются «ваше превосходительство»), то образ Лисы такой политической конкретизации лишен. Перед нами не агент административной или репрессивной машины, но скорее помещица вроде Арины Петровны Головлевой. Лиса язвительна, умна, беспощадна. Если Щука проглатывает Карася, вовсе «не желая его проглотить», то Лиса настаивает на своем намерении съесть Зайца. Его упование на гуманизацию отношений господства исполняется с жестоким сарказмом:

Так вот я какую для тебя вольготу придумала. Отойду я на четыре сажени вперед, сяду к тебе задом и не буду на тебя, на гаденка этакого, целых пять минут смотреть. А ты в это время старайся мимо меня так пробежать, чтобы я тебя не поймала. <...> Делом займешься, потрафлять будешь — ан тоски-то | и убавится [39, т. 16, кн. 1, с. 160–161].

Дискуссия Зайца и Лисы развивается в том же направлении, что и диспут Карася со Щукой: мыслитель сталкивается с Реальным, которое причиняет ему физическую боль и смерть. Лиса как воплощение Реального предъявляет свою личность, свою волю как сильнейший аргумент против заячьей «философии». Заяц припоминает историю о лисице, которая подобрала зайчонка-сироту и воспитала вместе со своими детьми (здесь очевидна аналогия с биографиями крестьянских детей, воспитанных в барском доме) — Лиса отвечает на предъявление этого прецедента словами: «Я его съела, я — та самая лисица и есть, о которой ты слышал. <...> А теперь, как ты полагаешь, кого я есть буду?» [39, т. 16, кн. 1, с. 159].

В качестве аналогии напомним, что Великий инквизитор, излагая свои взгляды перед Христом, предъявляет ему в качестве решающего аргумента свое жизнеописание:

Знай, что и я был в пустыне, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлял свободу, которою ты благословил людей, | и я готовился стать в число избранных твоих, в число могучих и сильных с жаждой «восполнить число». Но я очнулся и не захотел служить безумию. <...> Завтра сожгу тебя. Dixi [38, т. 9, с. 292–293].

В чем предмет спора Зайца с Лисой? Каждый из них выступает, кажется, на стороне существующего порядка. Между тем, речь Зайца выполняет гегемонистскую функцию, она стремится убедить нас, что этот порядок справедлив. Лиса полагает, что Заяц и его взгляды не прошли испытания Реальным: «Мне про тебя и невесть чего наговорили: и филозо́ф-то ты, и сердцеведец-то, а выходит, что ты самый обыкновенный, плохой зайчонко!» [39, т. 16, кн. 1, с. 160]. Утверждая общую «онтологию» («Всякому зверю свое житье...») [39, т. 16, кн. 1, с. 161]), персонажи выстраивают различные типы отношения к существу: Заяц, находя его превосходным, остается в поле идеологии, в то время как Лиса, утверждая жестокость Реального, находится в позиции политического философа. Лиса использует Реальное для сокрушения идеологии. Раб не философ в подлинном смысле, но только идеолог.

Безусловно, интерес Щуки к Карасю или Лисы к Зайцу носит по большей части праздный характер. Между тем, оба «хищника» демонстрируют неудовлетворенность речью «раба». Проявляя интерес к его способности говорить об истине и благе, они оказываются разочарованы этой речью. Если в Щуке мы можем предположить потребность в речах «благонамеренных», то Лису, кажется, злит собственно уклонение Зайца от истины. Доступом к истине обладает господин, — таков эзотерический смысл «Здравомысленного зайца». Положение господствующего субъекта лицом к политической истине, возможно, порождает потребность в дискурсе, в осмыслении мира. В сказке «Бедный волк» (1883), одной из первых в корпусе текстов 1883–1886 гг., повествуется о страданиях хищника, который осознал свою природу. Неразрешимая проблема смысла возникает перед тем, кто открывает истину социальных отношений.

4. Заключение

Мы предположили, что политическая философия Салтыкова принадлежит неклассической, макиавеллистской парадигме. Развивая этот тезис, мы можем прочитать целый ряд книг «зрелого» Салтыкова: «В среде умеренности и аккуратности», «Современная идиллия», «Письма к тетеньке» (объединенные образами рассказчика и Глумова), — как исследование политических конъюнктур с целью изучения тактик и стратегий для политического субъекта. Таким субъектом у Салтыкова выступает,

однако, не макиавеллистский Государь (*Il Principe*), но подданный — тот, кто вынужден «лукавить» в отношениях с властью и при этом сохранять разум и личное достоинство.

Политическая мысль Салтыкова выглядит незавершенной без учета теологического уровня. В цикл «Сказок» писатель включил рассказы «Христова ночь» и «Рождественская сказка». В первом из них повествуется о том, как Христос, по воскресении своем, наказывает Иуду, отнимая у того смерть, обрекая его к бесконечно долгой жизни (контаминация Иуды и Агасфера [29, с. 32]). Во втором из названных произведений мальчик Сережа Русланцев, тяжело страдая от несовершенства мира, находит избавление в смерти, в момент которой он видит Христа. Спаситель выступает как бог смерти, распоряжающийся ею как особым даром. Если салтыковский политический мир безнадежен, то надежда инвестируется в кончину; политическая теология этого автора носит, судя по всему, эсхатологический характер, о чем свидетельствует и финальная глава салтыковского национального эпоса — «Истории одного города».

Список литературы

Исследования

- 1 Алякринская М.А. К проблеме исторического сознания М.Е. Салтыкова-Щедрина // История и культура. 2009. № 7. С. 181–189.
- 2 Бахтин М.М. Собр. соч.: в 6 т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963; Работы 1960-х – 1970-х гг. 800 с.
- 3 Борщевский З.С. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы. М.: ГИХЛ, 1956. 392 с.
- 4 Волкова Т.В. Проблема «героя времени» в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1996. 17 с.
- 5 Гаспаров М.Л. История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина // Вестник гуманитарной науки. 2004. № 6 (78). URL: <http://vestnik.rsuh.ru/article.html?id=54924> (дата обращения: 11.07.2016).
- 6 Глазкова Т.А. Миф и реальность в сатире М.Е. Салтыкова-Щедрина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 73-1. С. 150–154.
- 7 Головина Т.Н. «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина: Литературные параллели: Учебное пособие. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 1997. 76 с.
- 8 Дмитренко С.Ф. История закрытия «Отечественных записок» и сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина // Культура и текст. 2016. № 1 (24). С. 50–63.
- 9 Дмитренко С.Ф. Салтыков (Щедрин). Генерал без орденов. М.: Молодая гвардия, 2022. 505 с.
- 10 Егоров О.Г. Общество и право в литературном наследии М.Е. Салтыкова-Щедрина // Общество и право. 2012. № 3 (40). С. 282–288.
- 11 Желудева Е.В. Философские взгляды М.Е. Салтыкова-Щедрина как феномен в общественной жизни России второй половины XIX века (к 190-летию со дня рождения великого писателя и журналиста) // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 1 (25). С. 28–38.
- 12 Зенкин С. Ложное сознание: теория, история, эстетика // Зенкин С. Работы о теории: ст. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 70–85.
- 13 Кирпотин В.Я. Философские и эстетические взгляды Салтыкова-Щедрина. М.: Гос. издательство политической литературы, 1957. 592 с.

- 14 *Кондаков Б.В.* «Демифологизация» русской культуры в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина // Типология литературного процесса и творческая индивидуальность писателя: межвузовский сб. научн. тр. / гл. ред. С.Я. Фрадкина. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1993. С. 13–22.
- 15 *Кондаков Б.В.* «Этическое пространство» русской литературы 1880-х гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 4-1. С. 95–103.
- 16 *Мартынова Ю.А., Мартынов Д.Е.* Н.Я. Данилевский и М.Е. Салтыков-Щедрин о России и Европе // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 164. Кн. 6. С. 139–152. DOI: 10.26907/2541-7738.2022.6.139-152
- 17 *Муфф Ш.* Политика и политическое / пер. с англ. И.И. Мюрберг // Политико-философский ежегодник. 2008. № 1. С. 88–102.
- 18 *Николаев Д.П.* Смех Щедрина: очерки сатирической поэтики. М.: Сов. писатель, 1988. 400 с.
- 19 *Попова И.Л.* «Мениппова сатира» как термин Бахтина // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 83–108.
- 20 *Пыпин А.Н.* М.Е. Салтыков. Санкт-Петербург, 1899. 238 с.
- 21 *Рансьер Ж.* Несогласие: Политика и философия / пер. с франц. и примеч. В.Е. Лапицкого. М.: Machina, 2013. 192 с.
- 22 *Ребров С.А.* Альтюссеровская интерпретация политической философии Макиавелли // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24. № 2. С. 77–84. DOI: 10.25991/VRHGA.2023.2.2.006
- 23 *Свирский В.* Демонология: Пособие для демократического самообразования учителя. Рига: Звайгзне, 1991. 166 с.
- 24 *Скиперских А.В.* Политические элиты и массы. М. Салтыков-Щедрин. Рассуждения по поводу проекций в современный политический дискурс // Теории и проблемы политических исследований. 2012. № 1. С. 67–77.
- 25 *Соловьев Э.Ю.* Философия как критика идеологий // Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов; сост. А.В. Рубцов. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 21–72.
- 26 *Строганов М.В.* Идеи «естественного права» в русской литературе XIX века и творчество Салтыкова-Щедрина: к постановке проблемы // М.Е. Салтыков-Щедрин: проблемы мировоззрения, творчества, языка. Материалы конференции. Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 1994. С. 39–52.
- 27 *Строганова Е.Н.* Роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия»: Диалог с современниками и предшественниками. М.: Флинта, Наука, 2017. 200 с.
- 28 *Строганова Е.Н., Строганов М.В.* О проекте энциклопедии «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 5. С. 82–85.
- 29 *Четина Е.М.* Евангельские образы, сюжеты, мотивы в художественной культуре. Проблемы интерпретаций. М.: Флинта, Наука, 1998. 112 с.
- 30 *Шаврыгин С.М.* Петр I в творчестве А.С. Пушкина и в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина // Щедринский сборник. М.: Изд-во Московского гос. ун-та дизайна и технологии, 2016. Вып. 5: М.Е. Салтыков-Щедрин в контексте времени / ред.-сост. Е.Н. Строганова. С. 191–198.

- 31 *Шмитт К.* Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Шмитт К. Понятие политического: сб. / пер. с нем. Ю.Ю. Коринца, А.Ф. Филиппова, А.П. Шурбелева. СПб.: Наука, 2016. С. 281–356.
- 32 *Штраус Л.* Что такое политическая философия? // Штраус Л. Введение в политическую философию / пер. с англ. М. Фетисова. М.: Логос, Праксис, 2000. С. 9–50.
- 33 *Althusser L.* Machiavelli and Us / ed. by F. Matheron; trans., introd. by G. Elliott. London; N.Y.: Verso, 1999. XXII + 136 p.
- 34 *Althusser L.* On the Reproduction of Capitalism. Ideology and Ideological State Apparatuses / trans. by G.M. Goshgarian. London; N.Y.: Verso, 2014. XXXIV + 285 p.
- 35 *Arendt H.* Lectures on Cant's Political Philosophy / ed. and interpretative essay R. Beiner. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. VIII+174 p.
- 36 *Strauss L.* Persecution and the Art of Writing. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. 204 p.
- 37 *Strauss L.* The City and Man. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1978. 545 p.

Источники

- 38 *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14: Братья Карамазовы. Книги I–X. 511 с.
- 39 *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: в 20 т. М.: Худож. лит., 1969. Т. 8: Помпадур и помпадурши. 1863–1874. История одного города. 1869–1870. 614 с. М.: Худож. лит., 1974. Т. 16. Кн. 1: Сказки. 1869–1886. Пестрые письма. 1884–1886. 528 с.

***

© 2024. **Pia Yu. Rogotnev**
Perm, Russia

TO THE INTERPRETATION OF POLITICAL PHILOSOPHY OF MIKHAIL SALTYKOV-SCHEDRIN

Abstract: The research is to find out the basic features of Mikhail Saltykov's political thought and to describe it in terms of political criticism of culture. The survey of academic literature on Saltykov shows that any assigning of this writer to one or other socio-political parties of his period is problematic: Saltykov does not align to any program of social reforms, rather exploring the thinking subject in political reality. Saltykov's works do not imply the transmission of ideological meanings, but rather a critique of public ideology. It seems important, however, to take into account the party orientation of Saltykov's readership: the satirist addresses to a reading community that perceives democratic and egalitarian ideas with sympathy. Analysis of Saltykov's texts involved a number of categories of political hermeneutics — dichotomies: ideology / philosophy, classical thought / non-classical thought, exoteric / esoteric. The material for the analysis are two satirical tales: "Crucian Carp the Idealist" and "The Sensible Hare", which are

considered similar in genre to the “menippea” of F.M. Dostoevsky. In “Crucian Carp the Idealist” a conflict is revealed between classical and non-classical philosophical approaches; the esoteric plane of the text illustrates the triumph of “Machiavellian” position. In “The Sensible Hare” one can identify a dispute between an ideologist and a political philosopher; paradoxical, in the context of Saltykov’s democratic declarations, is that the ideologist’s position is occupied by the oppressed (slave), and the position of the political philosopher, that is, the subject seeking truth, is taken by the master. The paper concludes with a reflection on metaphysical contour of Saltykov’s political thought: the political theology of the Russian satirist is focused on the eschatological moment as a resolution of political conflicts.

Keywords: Saltykov-Shchedrin, Political Philosophy, Hermeneutics, Menippea, Ideology.

Information about the author: Ilia Yu. Rogotnev — PhD in Philology, Lecturer, Perm State University, Bukireva St., 15, 614068 Perm, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7053-6180>

E-mail: rogotnev05@mail.ru

Received: December 12, 2023

Approved after reviewing: June 1, 2024

Date of publication: June 25, 2024

For citation: Rogotnev, I.Yu. “To the Interpretation of Political Philosophy of Mikhail Saltykov-Schedrin.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 72, 2024, pp. 25–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-25-40>

References

- 1 Aliakrinskaia, M.A. “K probleme istoricheskogo soznaniia M.E. Saltykova-Shchedrina” [“On the Issue of Historical Consciousness of M.E. Saltykov-Shchedrin”]. *Istoriia i kul'tura*, no. 7, 2009, p. 181–189. (In Russ.)
- 2 Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy: v 6 t. [Collected Works: in 6 Vols.]*, vol. 6: “Problemy poetiki Dostoevskogo”, 1963. Raboty 1960-kh – 1970-kh gg. [Issues of Dostoevsky's Poetics, 1963. Works of the 1960s – 1970s]. Moscow, Russkie Slovarei Publ.; Yazyki Slavyanskoi Kultury Publ., 2002. 800 p. (In Russ.)
- 3 Borshchevskii, Z.S. *Shchedrin i Dostoevskii. Istoriia ikh ideinoi bor'by [Shchedrin and Dostoevsky. The History of their Ideological Struggle]*. Moscow, GIKhL Publ., 1956. 392 p. (In Russ.)
- 4 Volkova, T.V. *Problema “geroia vremeni” v tvorchestve M.E. Saltykova-Shchedrina [The Issue of the “Hero of the Time” in the Works of M.E. Saltykova-Shchedrin: PhD Thesis Summary]*. Tver, 1996. 17 p. (In Russ.)
- 5 Gasparov, M.L. “Istoriia literatury kak tvorchestvo i issledovanie: sluchai Bakhtina” [“Literary History as Creativity and Research: The Case of Bakhtin”]. *Vestnik gumanitarnoi nauki*, no. 6 (78), 2004. Available at: <http://vestnik.rsuh.ru/article.html?id=54924> (Accessed 11 July 2016). (In Russ.)
- 6 Glazkova, T.A. “Mif i real'nost' v satire M.E. Saltykova-Shchedrina” [“Myth and Reality in Saltykov-Schedrin’s Satire”]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 73-1, 2008, pp. 150–154. (In Russ.)
- 7 Golovina, T.N. “Istoriia odnogo goroda” M.E. Saltykova-Shchedrina: Literaturnye paralleli: Uchebnoe posobie [“The History of a Town” by M.E. Saltykov-Shchedrin:

- Literary Parallels: Textbook*]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 1997. 76 p. (In Russ.)
- 8 Dmitrenko, S.F. “Istoriia zakrytiia ‘Otechestvennykh zapisok’ i skazki M.E. Saltykova-Shchedrina” [“The History of the Closure of ‘Notes of the Fatherland’ and the tale of M.E. Saltykova-Shchedrin”]. *Kul'tura i tekst*, no. 1 (24), 2016, pp. 50–63. (In Russ.)
- 9 Dmitrenko, S.F. Saltykov (Shchedrin). *General bez ordenov* [*Saltykov (Shchedrin). A General without Orders*]. Moscow, Molodaia gvardiia, 2022. 505 p. (In Russ.)
- 10 Egorov, O.G. “Obshchestvo i pravo v literaturnom nasledii M.E. Saltykova-Shchedrina” [“Society and Law in the Literary Heritage of M.E. Saltykov-Shchedrin”]. *Obshchestvo i pravo*, no. 3 (40), 2012, pp. 282–288. (In Russ.)
- 11 Zheludeva, E.V. “Filosofskie vzgliady M.E. Saltykova-Shchedrina kak fenomen v obshchestvennoi zhizni Rossii vtoroi poloviny XIX veka (k 190-letiiu so dnia rozhdeniia velikogo pisatel'ia i zhurnalista)” [“Philosophical Views of M.E. Saltykov-Shchedrin as a Phenomenon in the Social Life of Russia in the Second Half of the 19th Century (on the 190th Anniversary of the Birth of the Great Writer and Journalist)”]. *Chelovek. Obshchestvo. Inkluziia*, no. 1 (25), 2016, pp. 28–38. (In Russ.)
- 12 Zenkin, S. “Lozhnoe soznanie: teoriia, istoriia, estetika” [“False Consciousness: Theory, History, Aesthetics”]. Zenkin, S. *Raboty o teorii: Stat'i* [*Works on Theory: Articles*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, pp. 70–85. (In Russ.)
- 13 Kirpotin, V.Ia. *Filosofskie i esteticheskie vzgliady Saltykova-Shchedrina* [*Philosophical and Aesthetic Views of Saltykov-Shchedrin*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1957. 592 p. (In Russ.)
- 14 Kondakov, B.V. “Demifologizatsiia” russkoi kul'tury v tvorchestve M.E. Saltykova-Shchedrina” [“Demithologization” of Russian Culture in the Works of M.E. Saltykov-Shchedrin”]. *Tipologiiia literaturnogo protsessa i tvorcheskaia individual'nost' pisatel'ia: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [*Typology of the Literary Process and the Creative Individuality of the Writer: Interuniversity Collection of Scientific Works*]. Perm, Perm State University Publ., 1993, pp. 13–22. (In Russ.)
- 15 Kondakov, B.V. “Eticheskoe prostranstvo” russkoi literatury 1880-kh gg.” [“Ethical Space” of Russian Literature of the 1880s”]. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no. 4-1, 2010, pp. 95–103. (In Russ.)
- 16 Martynova, Yu.A., Martynov, D.E. “N.Ia. Danilevskii i M.E. Saltykov-Shchedrin o Rossii i Evrope” [“N.Ya. Danilevsky and M.E. Saltykov-Shchedrin about Russia and Europe”]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Series: Gumanitarnye Nauki* [*Humanities*], vol. 164, no. 6, 2022, pp. 139–152. DOI: 10.26907/2541-7738.2022.6.139-152. (In Russ.)
- 17 Muff, Sh. “Politika i politicheskoe” [“Politics and the Political”]. *Politiko-filosofskii ezhegodnik*, no. 1, 2008, pp. 88–102. (In Russ.)
- 18 Nikolaev, D.P. *Smekh Shchedrina: ocherki satiricheskoi poetiki* [*Shchedrin's Laughter: Essays on Satirical Poetics*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1988. 400 p. (In Russ.)
- 19 Popova, I.L. “Menippova satira” kak termin Bakhtina” [“Menippean Satire” as a Term by Bakhtin”]. *Voprosy literatury*, no. 6, 2007, pp. 83–108. (In Russ.)
- 20 Pypin, A.N. *M.E. Saltykov*. St. Petersburg, 1899. 238 p. (In Russ.)
- 21 Ranciere, J. *Nesoglasie: Politika i filosofiiia* [*Disagreement: Politics and Philosophy*]. Moscow, Machina Publ., 2013. 192 p. (In Russ.)
- 22 Rebrov, S.A. “Al'tiusserovskaia interpretatsiia politicheskoi filosofii Makiavelli” [“Althusser’s Interpretation of the Political Philosophy of Machiavelli”]. *Vestnik*

- Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 24, no. 2, 2023, pp. 77–84. DOI: 10.25991/VRHGA.2023.2.2.006 (In Russ.)
- 23 Svirskii, V. *Demonologiya: Posobie dlia demokraticeskogo samoobrazovaniia uchitelia* [*Demonology: A Guide for Democratic Self-Education of Teachers*]. Riga, Zvaigzne Publ., 1991. 166 p. (In Russ.)
- 24 Skiperskikh, A.V. “Politicheskie elity i massy. M. Saltykov-Shchedrin. Rassuzhdeniia po povodu proektsii v sovremennyi politicheskii diskurs” [“Political Elites and Masses. M. Saltykov-Shchedrin. Reasoning about Projections into Modern Political Discourse”]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniia*, no. 1, 2012, pp. 67–77. (In Russ.)
- 25 Solov'ev, E.Iu. “Filosofia kak kritika ideologii” [“Philosophy as a Critique of Ideologies”]. *Filosofia i ideologiya: ot Marksa do postmoderna* [*Philosophy and Ideology: from Marx to Postmodernity*]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2018, pp. 21–72. (In Russ.)
- 26 Stroganov, M.V. “Idei ‘estestvennogo prava’ v russkoi literature XIX veka i tvorcestvo Saltykova-Shchedrina: k postanovke problemy” [“Ideas of ‘Natural Law’ in Russian Literature of the 19th Century and the Work of Saltykov-Shchedrin: Towards the Formulation of the Problem”]. *M.E. Saltykov-Shchedrin: problemy mirovozzreniia, tvorcestva, iazyka. Materialy konferentsii* [*M.E. Saltykov-Shchedrin: Issues of Worldview, Creativity, Language. Conference Proceedings*]. Tver, Tver State University Publ., 1994, pp. 39–52. (In Russ.)
- 27 Stroganova, E.N. *Roman M.E. Saltykova-Shchedrina “Sovremennaia idilliia”: Dialog s sovremennikami i predshestvennikami* [*Novel of M.E. Saltykov-Shchedrin “Modern idyll”: Dialogue with Contemporaries and Predecessors*]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2017. 200 p. (In Russ.)
- 28 Stroganova, E.N., Stroganov, M.V. “O proekte entsiklopedii “M.E. Saltykov-Shchedrin i ego sovremenniki” [“About the Encyclopedia Project “M.E. Saltykov-Shchedrin and his Contemporaries”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, vol. 21, no. 5, 2015, pp. 82–85. (In Russ.)
- 29 Chetina, E.M. *Evangel'skie obrazy, siuzhety motivy v khudozhestvennoi kul'ture. Problemy interpretatsii* [*Gospel Images, Plots and Motifs in Artistic Culture. Problems of Interpretation*]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 1998. 112 p. (In Russ.)
- 30 Shavrygin, S.M. “Petr I v tvorcestve A.S. Pushkina i v ‘Istorii odnogo goroda’ M.E. Saltykova-Shchedrina” [“Peter I in the Works of A.S. Pushkin and in ‘The History of a Town’ by M.E. Saltykov-Shchedrin”]. *Shchedrinskii sbornik* [*Schedrin Collection*], vol. 5: M.E. Saltykov-Shchedrin v kontekste vremeni [M.E. Saltykov-Shchedrin in the Context of Time]. Moscow, Moscow State University of Design and Technology Publ., 2016, pp. 191–198. (In Russ.)
- 31 Schmitt, K. “Poniatie politicheskogo” [“The Concept of the Political”]. Schmitt, K. *Poniatie politicheskogo: sbornik* [*The Concept of the Political: Collection*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 281–356. (In Russ.)
- 32 Strauss, L. “Chto takoe politicheskaiia filosofia?” [“What is Political Philosophy?”]. Strauss L. *Vvedenie v politicheskuiu filosofiu* [*Introduction to Political Philosophy*]. Moscow, Logos Publ., Praksis Publ., 2000, pp. 9–50. (In Russ.)
- 33 Althusser, Louis. *Machiavelli and Us*, ed. by Francois Matheron; trans. with an introd. by Gregory Elliott. London, New York, Verso, 1999. XXII + 136 p. (In English)

- 34 Althusser, Louis *On the Reproduction of Capitalism. Ideology and Ideological State Apparatuses*, transl. by G.M. Goshgarian. London, New York, Verso, 2014. XXXIV + 285 p. (In English)
- 35 Arendt, Hannah. *Lectures on Kant's Political Philosophy, ed. and with interpretative essay Ronald Beiner*. Chicago, The University of Chicago Press, 1992. VIII + 174 p. (In English)
- 36 Strauss, Leo. *Persecution and the Art of Writing*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1980. 204 p. (In English)
- 37 Strauss, Leo. *The City and Man*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1978. 545 p. (In English)